

Тань Хуаньси резко поднял голову, встретившись взглядом с глубокими, словно бездонными глазами, которые, казалось, пытались его поглотить. Он поспешно отвернулся, инстинктивно прочистив горло. Он, конечно, понял, что имел в виду Мо Шаохэн, но глаза этого человека были настолько пронизательными, что все его маленькие секреты просто не могли устоять перед ними.

— Дом семьи Тань тоже не место для подобных действий. — Тань Хуаньси с досадой буркнул.

Мо Шаохэн вдруг рассмеялся, его голос звучал с лёгкой иронией:

— Ты уверен?

— Вчера это было случайностью! — Тихо возразил Тань Хуаньси, но без особой уверенности. Как бы ни была влиятельна и знаменита семья Тань, это всё же была семья музыкантов. Их предки из поколения в поколение жили искусством, и они не имели ничего общего с теми, кто день за днём боролся за власть и влияние.

Тань Хуаньси вздохнул, уголки его губ слегка приподнялись:

— Но всё же спасибо за вчерашнее. Если бы ты не сообщил вовремя дедушке, я даже не могу представить, что могло бы случиться. Дедушка очень серьёзно относится к этому юбилею, и даже если бы со мной ничего не случилось, если бы это стало известно, это могло бы повлиять на мою репутацию и репутацию семьи Тань. Я не хочу огорчать дедушку.

Мо Шаохэн смотрел на его ясные глаза, затем после небольшой паузы произнёс:

— Ты действительно так думаешь? А если это произошло из-за меня?

— Что ты имеешь в виду? — Тань Хуаньси резко поднял голову. Он подозревал многих, ведь у семьи Тань были и враги среди музыкантов, но они вряд ли осмелились бы похитить его прямо на юбилее. Он даже думал, что это могло быть связано с чёрным алмазом, но больше всего он подозревал своих же родственников.

Мо Шаохэн ненадолго замолчал, затем кратко объяснил, что произошло прошлой ночью. Обычно он не стал бы ничего объяснять, но почему-то, глядя на этого человека, он чувствовал лёгкое волнение. Не из-за его лица, а из-за того, что от него исходило что-то знакомое.

Тань Хуаньси, выслушав объяснение, мысленно воскликнул: «Нелепость!» Он потёр лоб, хмурясь. Он решил, что в следующий раз, когда семья Тань будет устраивать банкет, нужно будет тщательно проверять список гостей, чтобы не допустить проникновения подозрительных личностей.

— Кто такой этот Пань Чжицзе? У него, видимо, немало смелости, ведь на юбилей были приглашены только представители знатных семей. Кроме друзей дедушки-музыкантов, были и такие влиятельные личности, как семьи Мо и Ци из мира бизнеса и политики. А также те, кто, не имея знатного происхождения, обладал выдающимся талантом в музыке и был высоко оценён дедушкой.

Семья Тань не была консервативной. Старый господин Тань ценил не происхождение или семейные связи, а талант исполнителя. Хотя некоторые в семье Тань, привыкшие к привилегиям с рождения, смотрели на других свысока. Например, дочь его дяди, Тань Сьюй, была ещё молодой, но её характер оставлял желать лучшего. Он старался избегать её, не из страха, а просто чтобы не связываться.

Но каким бы ни был этот Пань Чжицзе, осмелившийся похитить кого-то прямо в доме семьи Тань, он явно был не в своём уме. Участвуя в юбилее семьи Тань, он даже не узнал младшего хозяина семьи.

Тань Хуаньси не знал, смеяться ли ему или сначала избить этого человека, а затем вышвырнуть его за дверь. Но, судя по обычной манере поведения Мо Шаохэна, Пань Чжицзе, скорее всего, уже получил по заслугам.

Мо Шаохэн взглянул на Тань Хуаньси и медленно произнёс:

— Второй сын семьи Пань, работает под началом Фэнъюя.

Тань Хуаньси почувствовал, что Мо Шаохэн не закончил, и предположил, что это была ещё одна сложная семья. Он не ожидал, что Мо Шаохэн расскажет больше, ведь Пань Чжицзе для него был лишь мелкой сошкой, не стоящей внимания.

Когда Тань Хуаньси уже собирался сменить тему, чтобы разрядить обстановку, Мо Шаохэн неожиданно продолжил:

— Пань Чжицзе — сын Пань Чжэньжуна, рождённый вне брака. Его забрали в семью Пань ещё в детстве.

Тань Хуаньси кивнул:

— Незаконнорожденный? Как такой человек смог связаться с Ци Шао? Он был любимчиком в семье Пань?

Мо Шаохэн усмехнулся:

— Раньше так и было. Пань Чжэньжун, видимо, больше любил ту женщину.

— Ха! — Тань Хуаньси рассмеялся. — Ты сказал это очень дипломатично. По сути, жена в доме — это ради выгоды, а настоящая любовь — на стороне, и сын от неё, конечно, был любимчиком. Но, к сожалению, этот сын явно пошёл не по той дорожке, раз решился на похищение.

Мо Шаохэн явно почувствовал, что Тань Хуаньси становится всё более расслабленным в его присутствии, и это ощущение было всё более знакомым. Когда-то другой человек вёл себя так же свободно в его присутствии, и это доставляло ему удовольствие. Он кивнул:

— Пань Чжицзе знает, что его положение в семье Пань уже не то, что раньше, поэтому и согласился работать под началом Фэнъюя, но...

— Но он скорее мешает, чем помогает, верно? — Улыбнулся Тань Хуаньси. — Вероятно, его избаловали в детстве, что и сделало его таким самоуверенным. Но в больших семьях всегда сложные отношения, и я уверен, что жена в доме не могла его терпеть. Есть такой способ убийства — «убить лестью и возвеличиванием».

— О? Ты, кажется, хорошо разбираешься? — Поднял бровь Мо Шаохэн.

— Когда живёшь в такой среде, приходится кое-что понимать, иначе в один прекрасный день я бы мог поблагодарить убийцу, и это было бы настоящим позором. — Тань Хуаньси сказал это с лёгкой небрежностью. — Главный дом уже близко, пойдём, дедушка, наверно, уже заждался.

Мо Шаохэн смотрел на спину Тань Хуаньси, его выражение стало серьёзным. Он вспомнил

аварию несколько месяцев назад, которая, как теперь выяснилось, не была простой случайностью. Тань Хуаньси не был наивным, наоборот, он всё понимал и умел скрывать свои чувства. Он явно недооценил этого молодого господина.

Тань Хуаньси провёл Мо Шаохэна в главный зал, где уже собралось множество людей, беседующих вокруг старого господина Тань. Атмосфера казалась дружелюбной. На этот раз он увидел нескольких старших членов семьи, которых давно не встречал. Обычно семья Тань редко собиралась вместе, все были заняты, разъезжая по миру.

Только на юбилей старого господина Тань и на Новый год все старшие члены семьи возвращались домой. В остальное время дома оставались только младшие, как он, которые ещё учились, и если не было важных конкурсов или концертов, они оставались дома.

— Хуаньси и Шаохэн пришли, садитесь. — Старый господин Тань, заметив их, сразу же пригласил их сесть.

Тань Хуаньси оглянулся на Мо Шаохэна, увидев, что тот спокойно занял место рядом, и сам сел рядом с дедушкой.

— Прощу прощения за беспокойство. — Мо Шаохэн, сев, обратился к старому господину Тань с лёгкой долей уважения в голосе.

— Шаохэн, не стесняйся. Я ещё должен поблагодарить тебя за заботу о Хуаньси. Хуаньси, ты тоже слишком неосторожен, если плохо себя чувствуешь, почему не сказал дедушке? Разве я такой непонимающий человек? Юбилей, конечно, важен, но для меня твоё здоровье важнее любого праздника. — Старый господин Тань то ласково, то с лёгким укором говорил. — Хорошо, что Шаохэн был рядом, если бы что-то случилось, ты бы разбил мне сердце.

Тань Хуаньси опустил голову, смиренно признавая свою вину:

— Прости, дедушка, я был неосторожен. Я переоценил свою выносливость к алкоголю, думал, что просто немного перебрал, и вышел подышать воздухом перед возвращением в зал. На улице я случайно встретил господина Мо, и мы немного поговорили. Я не ожидал, что мне вдруг станет плохо, но, к счастью, господин Мо позаботился обо мне.

— Ах ты, малыш! — Старый господин Тань ласково погладил голову Тань Хуаньси. — На этот раз действительно нужно поблагодарить Шаохэна за то, что он лично заботился о тебе всю ночь. И не называй его больше господином Мо, я и Шаохэн — старые друзья, можно сказать, друзья разных поколений. Обращайся к нему «дядя Мо».

— Э-э? — Тань Хуаньси слегка смутился, вспомнив, что у них с этим человеком есть сын. Ему показалось, что называть его «дядя» немного странно, но, учитывая, что Мо Шаохэн был старше его более чем на десять лет, это было вполне нормально.